

Забастовку в Большом назвали *Издатель. - 1994. - 109 эк. - с. 8.* предупредительной акцией, но от перестановки слов суть не меняется

Георгий МЕЛИКЯНЦ, «Известия»

В минувший четверг начало спектакля «Жизель» в Большом было задержано на 20 минут. Провести такую рискованную акцию решило общее собрание коллектива, состоявшееся 30 ноября. Цель — привлечь внимание к проблемам театра, раздираемого серьезными конфликтами и мелочными склоками.

Признаюсь, я впервые присутствовал на подобном зрелище в театре. В зале погас свет, ждали появления дирижера. И тут раздался голос, с извинениями сообщивший зрителям, что в театре проходит акция протеста: коллектив требует от первых лиц государства рассмотреть творческие, социальные и экономические вопросы его жизни, а также выражает недоверие генеральному директору В.Коконину.

Не уверен, что публике, среди которой, как всегда в Большом, было много иностранцев, известна фамилия директора. Но так уж у нас водится: народ вежливо безмолвствовал. Мнения шепотом высказывались разные, но большинство считало, что если люди вынуждены таким путем привлекать внимание к своим трудностям, значит, приспичило. Подождем, 20 минут — не вечность. Тем более что с точностью до секунды занавес раздвинулся, и встреча Жизели с графом Альбертом вскоре помогла зрителям забыть неудобство.

Итак, предупредительная акция свершилась. Сначала предполагалась забастовка. Но ми-

нистр культуры Е.Сидоров в специальной телеграмме просил от забастовки отказаться. Председателя профсоюзного комитета театра народного артиста России В.Кудряшова вызвали в районную прокуратуру и обратили внимание на нарушение сроков объявления забастовки. Сошлись на «предупредительной акции».

Меня не покидает ощущение некоей ребячливости состоявшегося действия и одновременно безвыходности у его инициаторов. «Мы ничего не просим, кроме того, чтобы нас не игнорировали при проведении реформ», — сказал председатель стачечного комитета народный артист СССР Е.Ряжков. А В.Кудряшов добавил: «Указ президента о Большом театре предполагает разработку необходимых документов. Если вводится контракт, то почему не обсудить его условия? Если назначается коллегия, то почему не послушать претендентов об их программе?». В самом деле, почему?

Не знаю, был ли в зале кто-нибудь из президентской администрации или правительства. Но в буфете за сдвинутыми столами я увидел В.В.Жириновского

со товарищи. «Мы пришли специально, чтобы поддержать эту акцию», — сказал мне Владимир Вольфович. — Мы будем помогать артистам и дальше, в частности, поможем с вкладами в «Чару-банк». Что он имел в виду, я не понял, но в умении поспешить на место конфликта ему не откажешь.

Каков будет результат предупредительной акции, гадать не берусь. Говорят (а слухами сейчас наполнена вся жизнь Большого), что генеральный директор уже распорядился найти двух-трех человек, преступивших служебный распорядок, и примерно наказать. И ведь не придерешься!

Что касается журналистов, то, видимо, в Большой театр нас приглашать перестанут, это стало ясно тогда же, в четверг. Вместо того чтобы позвать прессу, радио, телевидение, как делается в цивилизованном мире, поступил приказ: «Не пускать!». Найти автора приказа, как и сам приказ, будет, конечно, невозможно, но действие его я, например, испытал на себе. Поскольку с В.М.Кокониным в этот день переговорить никак не удавалось, я позвонил его заместителю В.Н.Тихонову.

— Мы сегодня прессу не приглашаем, — был ответ.

— Но, может быть, поможет с билетами?

— Билетов на сегодня нет.

Я пошел к колоннам Большого театра и купил билет у спекулянта.